

ОТЗЫВ
председателя диссертационного совета
на диссертацию
Федорук Елены Олеговны
на тему
«ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Цель диссертационного исследования Е. О. Федорук – разработать теоретические основы практически применимой концепции юридической ответственности за правонарушения, совершаемые с использованием ИИ, с опорой на международные законодательные инициативы и сформированные разработчиками и исследователями ИИ принципы, а также с учетом ценностного содержания права. Елена Олеговна справедливо отмечает, что «вопросы, связанные с философией и этикой, теорией и практикой применения компьютерных технологий, а вслед за ними – результатов алгоритмической деятельности носителей ИИ, осложнённых компонентом самообучения, – остаются дискуссионными и традиционно вызывают неоднозначные обсуждения в научной и профессиональной юридической среде» (с. 3). Автор небезосновательно полагает, что дискуссионные вопросы избранной темы исследования не требуют изобретения новых юридических конструкций, но могут быть решены в рамках теории права. Актуальность темы убедительно обосновывается автором в трех аспектах – теоретическом, нормативном и практическом (с. 7–9).

В диссертационном исследовании продуктивно соединяются теоретические и практические аспекты темы. Структура диссертации отличается логичностью, сюжетной последовательностью, служит достижению цели и решению теоретических и практических задач исследования.

В первой главе (*«Юридическая ответственность: концептуальные основы контексте отношений с использованием носителя искусственного интеллекта»*) анализируются основные теоретические подходы к институту юридической ответственности (§ 1). В § 2 их рассмотрение специфицируется применительно к носителю ИИ; в § 3 дается оценка перспектив развития института юридической ответственности за деяния, выразившиеся в причинении вреда с использованием ИИ. Во второй главе (*«Понимание сущности ИИ в контексте юридической ответственности»*) автор определяет понятие ИИ (§ 1), рассматривает развитие представлений об ИИ и его возможной правосубъектности (§ 2), дает им обоснованную критическую оценку (§ 3–5). Особый интерес представляет третья глава – *«Формирование концептуальных основ юридической ответственности за действия, причиненные носителями ИИ»*. В § 1 рассматриваются различные ситуации причинения вреда с использованием ИИ; в § 2 обобщаются и подвергаются критическому осмыслению основные подходы к решению проблемы юридической ответственности за деяния, выразившиеся в причинении вреда с использованием ИИ; собственные предложения автора сосредоточены в § 3–4.

Соединение теоретического исследования с юридикто-догматическим анализом нормативных источников и исследованием судебной практики позволило автору получить результаты, обладающие как теоретической, так и практической значимостью. Е. О. Федорук удалось предложить имеющую перспективы практического применения концепцию юридической ответственности за причинение вреда с использованием ИИ.

Научная новизна диссертационного исследования выражается как в постановке научной проблемы, так и в предлагаемом автором ее решении, а также в положениях, вынесенных на защиту. Из обладающих научной новизной основных результатов исследования отмечу следующие:

- 1) обосновано исключение ИИ и его носителей из числа возможных субъектов юридической ответственности на основе ценностного подхода к ее содержанию;
 - 2) доказано отсутствие признака автономии у ИИ и его носителей;
 - 3) обобщены и подвергнуты критическому осмыслению существующие подходы к решению проблемы юридической ответственности за причинение вреда, совершенное с использованием ИИ;
 - 4) с учетом ценностного содержания права предложены теоретические основы концепции юридической ответственности за совершенные с использованием ИИ противоправные деяния;
- и др.

Данные положения характеризуются как теоретической, так и практической значимостью, что обнаруживает целостность реализованного в диссертации подхода – практические рекомендации имеют теоретическое обоснование, а теоретические положения получают развитие в практической плоскости. Выводы и рекомендации, сформулированные в диссертационном исследовании, обладают потенциалом практического применения: они могут быть использованы в нормотворческой деятельности для разработки проектов нормативных правовых актов, регламентирующих ответственность в сфере применения ИИ, в дальнейших теоретических исследованиях по данной теме, а также в учебном процессе при проведении лекционных и семинарских занятий для студентов юридических вузов по дисциплинам «Теория права и государства», «Информационное право», а также специализированным дисциплинам, посвященным правовым проблемам применения технологий ИИ.

Достоверность полученных в диссертации результатов обеспечивается корректным использованием выбранных методов исследования, соответствующих его предмету, цели и задачам, характеризующейся научной новизной постановкой проблемы, точным определением предмета, цели и задач исследования. Достоверность научных положений и выводов, сформулированных в диссертации, подтверждается также ее теоретической базой – она включает наиболее значимые и актуальные работы, связанные с предметом исследования.

Научные результаты, полученные в диссертации, нашли отражение в семи публикациях автора, в числе которых пять научных статей, опубликованных в 2021–2024 гг. в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ. Результаты исследования получили апробацию в докладах и сообщениях автора на международных и всероссийских научных конференциях.

Таким образом, корректная и отличающаяся новизной постановка проблемы, продуманные теоретические основания исследования, эмпирическая база, включающая в себя судебную практику, в том числе зарубежную, логичная и последовательная структура диссертационной работы обусловили теоретическую и практическую значимость полученных результатов исследования. Цель исследования – разработать теоретические основы практически применимой концепции юридической ответственности за правонарушения, совершенные с использованием ИИ, – следует признать достигнутой, а поставленные задачи – выполненными.

Поддерживая основные выводы работы, предложу для обсуждения ряд вопросов.

1. Основные вопросы к работе связаны с понятием юридической ответственности.

1.1. В итоге рассмотрения различных позиций на природу и функции юридической ответственности, автор приходит к выводу о том, что «юридическая ответственность... означает принадлежность к отношениям, урегулированным правом в государстве» (с. 42). Такое определение кажется слишком узким. Если автор разделяет и даже опирается в работе на идеи петербургской школы философии права, то, возможно, следовало бы принять во внимание, что юридическая ответственность может существовать не только в государственно-организованном праве, но и в различных видах социального права, – например, каноническом или спортивном и др.

1.2. Осталось не вполне ясным, что автор понимает под основаниями юридической ответственности, в числе которых он называет фактическое и процессуальное (с. 42) – при отсутствии упоминания о ее нормативных основаниях. При этом юридическая ответственность рассматривается как «явление... трёхуровневое: всегда социальное, правовое и государственное». Что означает государственный «уровень» ответственности и отличие от правового? И как «уровни» соотносятся с основаниями?

1.3. Автор выделяет понятие «состав юридической ответственности», справедливо отмечая, что в теории права выделение такого понятия не принято (с. 43). При этом во Введении отмечается, что «подходы к составу юридической ответственности... различны и противоречивы», а в положении № 9, выносимом на защиту, говорится об элементах «традиционного состава ответственности». Возможно ли говорить о традиционности «состава ответственности» и противоречивости подходов к нему, если это понятие изобретено автором?

В числе элементов состава автор называет следующие: 1) субъект юридической ответственности; 2) основания, в числе которых фигурируют уже фактическое и юридическое, а не фактическое и процессуальное (см. выше – п. 1.2); 3) обязанность претерпевания неблагоприятных последствий (с. 46–47). За исключением п. 2 (основания) это напоминало бы структуру правового отношения, в рамках которой традиционно выделяют такие элементы, как субъект, объект и содержание, раскрываемое через корреспондирующие права и обязанности. Собственно юридическая ответственность и может рассматриваться как охранительное правоотношение, характеризоваться с точки зрения субъекта, объекта и содержания, включая обязанность претерпевания неблагоприятных последствий неправомерного поведения, и иметь, как и любое правовое отношение, нормативные и фактические основания. В чем преимущество изобретения понятия «состав юридической ответственности» над уже сложившимся доктринальным подходом к структуре правового отношения, от которого предлагаемый «состав» отличается только включением в него оснований правоотношения и исключением объекта?

Дальше ситуация запутывается еще больше – фактические и юридические основания юридической ответственности, включаемые автором в состав юридической ответственности, обозначаются также как «фактический и юридический состав (что соответствует объективной стороне правонарушения)» (с. 46). То есть элементом «состава» является «состав», или, иными словами, – элементом «состава юридической ответственности» является элемент состава правонарушения, а именно его объективная сторона? Почему объективная сторона юридической ответственности – это ее фактические и юридические основания? (с. 177). На с. 171–173 фигурирует не упоминавшееся ранее понятие «объект ответственности»; у юридической ответственности, как и у правонарушения, появляется не только «объективная сторона», но и «субъективная сторона», но это уже не элементы «состава», а «признаки» юридической ответственности, при этом на с. 177 субъективная сторона определяется уже не как «признак», а как элемент «состава юридической ответственности», которая раньше в число трех признаков «состава»

не включалась. В чем смысл такого смешения понятий – элементов структуры правового отношения, с одной стороны, и элементов состава правонарушения – с другой, а также названия их то элементами, то признаками, то «составом признаков» (например, «состав субъективных признаков ответственности» (с. 176)), а также неопределенности в наборе элементов этого «состава»?

2. Автор справедливо полагает, что ни ИИ, ни носитель ИИ не могут быть субъектами юридической ответственности (например, положение № 2, выносимое на защиту), что носитель ИИ может рассматриваться исключительно как составляющая объективной стороны правонарушения (орудие, средство либо способ совершения правонарушения) (этот тезис повторяется в положениях на защиту № 8, 9 и 10). В связи с этим не вполне ясно, почему автор сетует на то, что «нормы об ответственности в отношении носителей ИИ не разрабатывают» (с. 146), «вопросы юридической ответственности для носителей ИИ опускают» (с. 147)? Каким образом носитель ИИ может быть причинителем вреда (например, положение № 3), и почему, формулируя «концептуальные основы юридической ответственности в сфере применения ИИ» автор, справедливо полагая, что «при причинении вреда вследствие принятия ИИ “решений” в каждом случае необходимо устанавливать физическое либо юридическое лицо», в числе таких лиц, обладающих признаками субъекта юридической ответственности в его традиционном понимании, называет «непосредственно носителей ИИ» (с. 189)?

3. Главный вопрос, ответ на который хотелось бы увидеть в работе, – зачем ИИ столь настойчиво пытаются наделять правосубъектностью? Наверное, это не только стремление разработчиков избежать ответственности, что справедливо отмечается автором (с. 123–124). Возможно, это явление – часть более общей и весьма опасной тенденции, выражающейся в приписывании правосубъектности различного рода нечеловеческим сущностям и тем самым в размывании границ между ними и человеком как единственным подлинным, «прирожденным» (Ф. К. фон Савиньи) субъектом права?

Вместе с тем высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку работы. Полагаю, что содержание диссертации Федорук Елены Олеговны на тему «Институт юридической ответственности в контексте развития технологий искусственного интеллекта: критический анализ» соответствует специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки: разработаны теоретические основы практически применимой концепции юридической ответственности за правонарушения, совершенные с использованием ИИ.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и рекомендована к защите в СПбГУ.

Председатель диссертационного совета
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУ

Тимошина Е. В.

24 марта 2025 г.